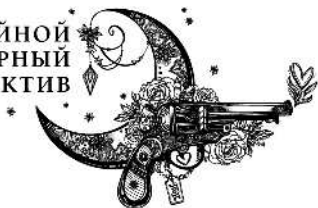

ДВОЙНОЙ
АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

✧ *Последняя любовь*
Самурая

✧ *Невеста*
Калиостро

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Саукова*

Оформление обложки *Н. Никоновой*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Последняя любовь Самурая ; Невеста Калиостро : [романы] / Татьяна Полякова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Двойной авантюрный детектив Т. Поляковой).

ISBN 978-5-699-90600-0

«Последняя любовь Самурая»

Когда Селина познакомилась с Кириллом, она поняла: эта встреча — предчувствие чего-то значимого в ее судьбе. Кирилл оказался гениальным вором. Он сказал, что ждет в этом городе своего друга по прозвищу Самурай, которому должен помочь. Он втянул ее в криминальную авантюру и вскоре погиб — умер у нее на руках. А она осталась ждать Самурая, чтобы завершить то, что так и не успел сделать Кирилл...

«Невеста Калиостро»

Каждая девушка мечтает стать невестой... Но две подружки Лиза и Юлька не торопились под венец. Ведь в жизни так много интересного, все нужно успеть попробовать и испытать... Журналистка Юлька написала статью про некое тайное общество, которое якобы появилось в их городе. После этого ей на мобильный стал звонить загадочный незнакомец. А вскоре за подругами кто-то начал следить. И тут незнакомец приглашает подруг... ночью на кладбище. Там он сообщает им, что первая жертва уже принесена...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90600-0

© Полякова Т. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Последняя любовь
САМУРАЯ

На волке верхом
Ехала в сумерки
Та, что хотела
Стать его спутницей;
Знала она,
Что смерть ожидает
Сигрлинн сына
На Сигарсвеллире.

Старшая Эдда

Труп был тяжелым. Я попыталась ухватить его за ноги, услышав грозный окрик: «Шевелись!», но они непостижимым образом выскользнули из моих рук, и я с тихим стоном опустилась на землю. Да, прятать трупы нелегкая задача. Не дожидаясь вторичного окрика, я все-таки вскочила, вновь ухватилась за ноги и, тяжело дыша, сделала первые несколько шагов, радуясь, что в темноте не могу видеть лица покойника.

Я споткнулась и едва не упала, но на сей раз ног не выпустила, удивляясь крепости собственной нервной системы. За последние два часа я как минимум трижды была обязана грохнуться в обморок, а ничего, бегаю. Трупы прячу. «Как такое могло произойти со мной?» — задала я себе риторический вопрос и вздохнула.

Моя жизнь обещала быть по всем статьям ничем не примечательной. Родилась я в маленьком районном городке, который с трудом насчитывал шестьдесят тысяч жителей. Конечно, не деревня, но близко к этому. Моя мама произвела меня на свет в семнадцать лет, едва успев окончить школу; отца своего я не знала, подозреваю, что на этот счет дела у матери обстояли не лучше, то есть и она толком его не знала. По крайней мере, я слышала три разные версии моего счастливого зачатия, где главными действующими лицами попеременно были то известный актер, то футболист, то рок-музыкант, тоже, разумеется, известный. У моей тетки была своя гипотеза тех событий, а число кандидатов на отцовство у нее сократилось до двух: первый был солдатом срочной службы, с ним мама крутила любовь целых полгода; второй — парень с

8 соседней улицы, жуткая шпана, который сел в тюрьму раньше, чем его успели призвать в армию. В родной город он более не вернулся и, по мнению той же тетки, давно сложил буйную головушку в пьяной драке или умер от чахотки. Кстати, эта самая чахотка всецело занимала мое воображение в детстве, я мысленно видела своего отца в мрачном подземелье, прикованным к стене цепью. По стене стекает вода, образуя лужи на каменном полу, а мой отец надсадно кашляет и в конце концов испускает последний вздох.

Собственно, история моего рождения была самым интересным эпизодом моей жизни, может, поэтому отец в детстве и являлся мне в декорациях фильмов по романам Дюма.

Благополучно разрешившись от бремени, мама оставила меня на попечение своей сестры, старой девы тридцати семи лет. Та была дочерью ее отца от первого брака, и они не особенно друг друга жаловали, да и знакомы были не очень хорошо в силу двадцатилетней разницы в возрасте. Ко всему прочему, сестра жила в поселке неподалеку от нашего города, так что их встречи были не частыми. Однако после смерти моей бабки Люба, так зовут мою тетку, переехала в город, чтобы взять на себя заботу о своем отце и сводной, тогда десятилетней, сестре. Собственно, она заменила ей мать. Через пять лет умер отец, и они остались вдвоем на всем белом свете. Мать Любы умерла еще раньше, чем моя бабка. А потом родилась я, и мама, ежедневно рыдая от обрушившегося на нее счастья, вспомнила, что в первом классе у нее была пятерка по математике, и бросилась поступать в техникум (на институт она не замахивалась, пятерки у нее особо не водились). Техникум находился в областном центре, откуда мама уже не вернулась. На втором курсе она вышла замуж, забыв рассказать супругу о моем существовании. После регистрации она решила с этим тоже не спешить и в конце концов пришла к выводу, что ставить его в известность обо мне вовсе ни к чему, оттого в редкие наезды мамы я называла ее тетей Ниной, а тетю Любу, соответственно, мамой. В детские

мозги это вносило некоторую сумятицу, и я лет до девяти толком не могла разобраться ни с мамами, ни с отцами.

На момент начала этой истории мать жила в Ульяновске, обремененная тремя детьми и вечно нетрезвым мужем, жаловалась на хроническое безденежье и уже лет семь как нас не посещала, забывая отвечать на письма. Телефона у нее не было, так что о ее жизни мы с тетей Любой имели довольно смутное представление.

Тете Любе уже было около шестидесяти, окружающий мир вызывал у нее стойкое отвращение, и она мечтала уйти в монастырь. Дело было за малым: оказалось, что в монастырь уйти не так просто, то есть с пустыми руками берут туда весьма неохотно, и тетка вела подвижническую жизнь в миру, гневно критикуя «прощелыг и выжиг, окопавшихся в церкви». Несмотря на суровый теткин нрав и неумную тягу к обличению несправедливости, мое детство можно назвать вполне счастливым. Я, как водится, переболела ветрянкой, корью и ангиной, громко читала стихи про Мишку, взгромоздясь на стул, в положенное время отправилась в школу и с отличием ее закончила, не очень напрягаясь. В девять вечера по установленному порядку я молилась вместе с теткой, после чего она уходила ко сну, а я читала и предавалась мечтам.

Мои мечты ничего общего с реальной жизнью не имели, и уже лет в двенадцать я поняла, что либо мечтать надо о чем-то другом, раз пираты, мушкетеры и прочие романтические персонажи канули в небытие, либо нужно смириться с тем, что мечты мои никогда не осуществятся. Я смирилась, нимало не печалась, и продолжала мечтать в свое удовольствие.

После окончания школы я хотела пойти работать, не желая сидеть далее на теткиной шее, но тетя Люба заявила, что спит и видит меня учительницей, так как некогда об учительстве мечтала сама, однако различные жизненные трудности помешали ее мечте осуществиться. Чтобы сделать ей приятное, я стала готовиться к поступлению в педагогический институт, но его в нашем городе не было, и я, с благословения тетки, отправилась в областной центр.

10 Моей покладистости сильно способствовал тот факт, что в жизни тетки к тому моменту появился некий святой старец, а с моей точки зрения, просто бомж. Маленький юркий мужичок с бородой лопатой, которого Люба разместила в своей квартире. Старец последние тридцать лет нигде принципиально не работал, а теперь все свое время посвящал душеспасительным разговорам и диспутам с теткой на маловразумительные богословские темы, что наполнило ее жизнь давно ожидаемым смыслом. Она тихо радовалась своей миссии (взвалив на свои хилые плечи заботу о «святом» человеке), и мне показалось, что мое присутствие ее понемногу начало угнетать.

Послушав однажды очередную проповедь старца, который утверждал, что Христос вовсе не был богом, а природа его целиком и полностью человеческая, я сдуру брякнула, что это альбигойская ересь. Обалдение на лицах дискутирующих было ложно принято мною за неподдельный интерес, и я увлеченно рассказывала минут пятнадцать о катарах и Крестовом походе против них, о последней твердыне и прочем, пока не схлопотала от тетки полотенцем. Физическое воздействие сопровождалось словами «больно умная стала», после чего я была зачислена в стан идеологических врагов, и благословение мое на учебу в областной центр вышло не очень трогательным, но поспешным.

В институт я поступила, устроилась на работу, потому что была приучена есть трижды в день, и последующие четыре года прошли быстро, без значительных событий и волнений.

Жила я в общежитии и делила комнату с тремя девчонками из таких же районных городков, как и моя малая родина. Девчонки мечтали поскорее выйти замуж, мысль вернуться в родные пенаты их откровенно пугала. Мне же, по большому счету, было все равно, раз мои собственные мечты были неосуществимы как здесь, так и там, однако в беседах на излюбленную тему я принимала весьма деятельное участие, слушала откровения подруг, дважды пыталась влюбиться сама и дважды с печалью констатировала, что это мне не удалось, то есть те чувства, которые я в

реальности испытывала, были далеки от тех, что я к тому моменту успела себе напридумывать. Девочки критиковали меня за дурной характер, излишнюю разборчивость и предрекали гневливо любовь к какому-нибудь прохвосту, с которым я буду мучиться всю жизнь. Такая перспектива не очень меня пугала, потому что к тому времени я начала опасаться вовсе никогда не влюбиться. Если учесть, что все мои мечты были об этой самой любви, мое горе от данного открытия не знало границ.

— Ты бесчувственная, — говорила одна подруга.

— Эгоистка, — вторила ей другая.

— Ты расчетлива и коварна, — вступала третья, и все вместе дружно заявляли:

— Выйдешь замуж за олигарха, — чем ставили меня в тупик.

Олигархи меня волновали мало, являясь существами из другого мира, еще более фантастического, чем тот, в коем обитал возлюбленный моей мечты. Однако, встретив свое двадцатилетие, я начала беспокоиться: в моем возрасте положено влюбляться, а сердце при взгляде на парней не екает, физиономия не бледнеет и руки предательски не дрожат. Бог знает откуда я это взяла, но свято верила, что эти три признака свидетельствуют о внезапно нагрянувшей настоящей любви.

С точки зрения многочисленных подруг и друзей, я была красавицей, но сама соглашаться с этим не спешила, вынеся из долгих бесед с теткой убеждение в том, что человек прежде всего красив душой, а моя была за семью печатями. Эгоизм и бесчувственность, в которых я сама уверилась, отнюдь меня не красили, так же, как старые кроссовки, в которых я ходила зимой и летом, всепогодная куртка на рыбьем меху и две пары джинсов сомнительного происхождения. В общем, с моей точки зрения, я мало походила как на романтическую красавицу, так и на гляцевых див со страниц журналов, и посоветовала себе скоренько найти какой-то смысл в существовании, раз уж с любовью ничего не выходит.

Смысл в руки не давался. Сдав летнюю сессию, я отправилась к тетке в родной Усольск, потому что летом в

12 общагу заселялись абитуриенты, а более податься мне было некуда.

Тетка встретила меня ласково, святой старец отсутствовал. Я очень удивилась, не обнаружив его возле окна, и даже испугалась, не случилось ли с ним чего худого; тетка делала вид, что его здесь вовсе не было, и это заинтересовало меня. Через пару дней соседка донесла, что старец, утомившись богословскими беседами, сбежал от Любы и теперь живет с Тамаркой Рогозиной, разбитной девахой лет тридцати, и помогает ей торговать на рынке. Тетка предала его анафеме и с прежним пылом мечтала о монастырской жизни.

— Тебе надо выйти замуж, — со вздохом сказала мне она. — Не то будешь, как я, одна весь век вековать. Хорошо хоть мне мать тебя подсунула, а то и похоронить бы меня некому было.

Я заверила тетку, что непременно ее похороню, как только она будет к этому готова.

Весь следующий месяц в нашу квартиру вереницей шли женихи. Бог знает откуда их брала тетя Люба, но они неизменно появлялись практически каждые три дня, чинно пили чай на кухне и взирали на потенциальную невесту с сомнением. Тетка меня, в отличие от других, красавицей не считала. А женихов подбирала по принципу «лишь бы человек был хороший». Хороший человек, с ее точки зрения, — непьющий или пьющий умеренно, таких в нашем городе набралось не так много, и по истечении месяца кухня начала пустовать, что тетку очень огорчало.

— Неужто никто не понравился? — вздыхала она.

Я качала головой.

— А Коля, Анны Михайловны сынок?

Сынку Анны Михайловны было лет тридцать пять, и на смотрины он пришел вместе с мамашей. Та, взглянув на меня, сказала:

— А чего худющая такая?

— Да она не ест ничего, — запричитала тетка, косясь в мою сторону, то ли оправдываясь, то ли давая понять, что в новой семье я никого не объем.

Коля хмыкнул и заявил:

— Кости есть, а мясо нарастет, — чем сразу же завоевал мою признательность.

Был он невысок, упитан, ходил с золотой цепью на шее и на всех смотрел исподлобья. У них с матерью было два продуктовых магазина, и по местным меркам они считались олигархами.

Выпив чаю, мамаша отбыла, еще раз хмуро взглянув на меня, сынок, задержавшись у дверей, сказал сурово:

— Ну, что, вечером куда-нибудь выползем?

Я выдала свою лучшую улыбку и шепнула ему в ухо:

— Иди в жопу.

После чего он поспешно удалился, бормоча под нос что-то непристойное. Это был последний претендент на мою руку. У тетки началась затяжная депрессия, а у меня спокойная жизнь, которую ничто не нарушало. Временами тетя Люба, правда, жаловалась:

— Это все из-за твоего имени, — выдвинула она очередную версию моей неудачно складывающейся личной жизни. — Имя накладывает отпечаток на судьбу человека. Чего ты ухмыляешься? Это известный факт, я в журнале прочитала. Поэтому раньше детей называли по имени святого, в чей день они родились. А твоя мамаша чего натворила? Назвала тебя дурацким именем, которого ни в каких святцах не сыщешь. Не удивлюсь, если оно какое-нибудь языческое или нет такого вовсе, и эта вертихвостка его сама придумала.

Мама назвала меня Селиной, и это был ее единственный вклад в дело моего воспитания. Тетка предпочитала звать меня Нюсей, и я долгое время считала, что это и есть мое имя, пока в детском саду мне не открыли глаза на то, что я заблуждаюсь.

Обладание редким именем не сделало меня счастливее, зато, безусловно, закалило характер. В школе, правда, стало легче, со мной учились две Дианы и одна Снежана. К десятому классу, когда я, по общему мнению, стала красавицей, нашлись даже завистницы, испытывавшие горькое сожаление оттого, что их собственные имена звучали вполне традиционно.

14 Где-то классе в третьем я прочитала свое имя наоборот, то есть Анилес, и решила, что в нем есть нечто волшебное, и с той поры довольно долго именно так мысленно себя и называла, воображая себя то феей, то принцессой, которую заколдовала злая ведьма. Это невероятно скрашивало мою ничем не примечательную жизнь, так что, по большому счету, маме следовало сказать спасибо.

Тетка уже давно вышла на пенсию, отработав двадцать пять лет на кирпичном заводе, но продолжала трудиться, справедливо полагая, что на пенсию особо не разживешься. В то лето трижды в неделю она убиралась на «богатых дачах», как тетя любила выражаться. Собственно, с одной из этих дач и началась моя история, которая завела меня довольно далеко от уготованной мне судьбы — сеять раз-умное, доброе, вечное.

Итак, дача. Ничего особо примечательного в ней не было, если не считать бассейна, но этим кого сейчас удивишь? Но моей тетке, помышлявшей о монашестве и искренне считавшей, что на сто тысяч рублей можно прожить всю жизнь ввиду явной запредельности этой суммы, дача казалась сосредоточием порока, ярким представителем которого являлась хозяйская дочь Катерина.

Сами хозяева жили в областном центре, на даче появлялись редко, Катерина же бывала здесь почти каждый выходной и непременно с друзьями. Друзья исправно напивались, устраивали фейерверки и плюхались в бассейн, оглашая округу разноголосыми воплями. Соседи с томлением ждали, что произойдет скорее: спалят они дом по пьяному делу или утопнут. Так как дом стоял на отшибе, и тот и другой сценарий был гражданам одинаково симпатичен.

Катерине исполнилось двадцать пять лет, она окончила столичный вуз, после чего вынуждена была вернуться в отчий дом по настоянию отца, который полагал, что ничего хорошего от ее жизни в столице ждать не приходится. Катерина трудилась в фирме родителя, дела на личном фронте у нее не складывались, многочисленные приятели не задерживались, и через каждую пару недель

она появлялась в новой компании. Все это я знала из рассказов бывшей одноклассницы, чей дом был неподалеку от этой дачи. За тем, что происходит за кирпичным забором, она зорко следила из своего чердачного окна с биноклем наперевес и доверительно сообщала мне, зло посмеиваясь, однако не без зависти к Катерине. Дом одноклассницы был расположен ближе всех к пресловутому особняку.

Приехав на каникулы, я решила, что, раз мне особо заняться нечем, следует помочь тетке, и трижды в неделю уборки у богачей теперь проводила я. Дачи находились в двух километрах от городка, в поселке Дружба, который скорее являлся пригородом. Дом, где любила отдыхать Катерина, как я уже сказала, стоял на отшибе, практически в лесу, в живописном месте. Добиралась я туда на велосипеде, очень популярном в нашем городе виде транспорта.

В тот день я отправилась туда часов в десять. Погода была прекрасная, и я решила, что если мне повезет и с уборкой я справлюсь где-то к обеду, то будет шанс прокатиться на речку. Ни с хозяевами, ни с их дочерью я до тех пор ни разу не встречалась, за домом приглядывала соседка, мать той самой школьной подруги, у нее были ключи, она открывала мне Катеринин дом и принимала работу. Я, как обычно, подъехала к подружкиной калитке и, не слезая с велосипеда, надавила кнопку звонка. На крыльце появилась моя одноклассница.

— Привет, — сказала она весело. — Приехала? А тебя уже ждут.

— Кто? — удивилась я.

— Катька. Они лопали всю ночь, к утру только разъехались, в доме, поди, свиарник, вот она мамке и звонила, спрашивала, когда уборщица придет.

— А-а... — протянула я.

— Ты, когда закончишь, заходи к нам, поболтаем.

Я кивнула и поехала дальше. Оставила велосипед возле ворот дачи, вошла через калитку и присвистнула. Если в доме то же самое, на речку я попаду ближе к вечеру. Я поднялась на крыльцо и позвонила в дверь. Открыли мне минут через пять, когда я уже отчаялась и решила,